

Евгений Шалашов

ИМ БИТЬ ПОЛЬ-
СКО БУРЖУАЗИЮ

ЧЕКИСТ

Польская линия

Евгений Васильевич Шалашов
Чекист. Польская линия
Серия «Чекист», книга 6

*Текст предоставлен правообладателем
Чекист. Польская линия:*

Аннотация

И снова на фронт. Но уже в качестве особоуполномоченного ВЧК и контрразведчика. Удастся ли Владимиру Аксенову предотвратить разгром РККА на польском фронте?

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Бытовые мелочи	7
Глава 2. О журналистах и журналистике	19
Глава 3. Тонкости перевода	35
Глава 4. Книжник книжнику рознь	48
Глава 5. Наш паровоз вперед летит	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Шалашов

Чекист. Польская линия

Предисловие

Поезд опять потряхнуло, словно под ним не рельсы, а колдобины. Странно, но по моей дороге – то есть, по маршруту Вологда-Архангельск, бронепоезд шел значительно мягче и веселее, нежели по пути от Москвы к Смоленску. А может, я просто недоволен, и теперь просто мерещится всякая муть?

Ну, не хотел я на западный фронт, никак не хотел! А пришлось. А куда денешься, если приказ исходил от самого Председателя ВЧК?

Товарищ Дзержинский отправил меня и Артузова на Западный фронт (ну, там еще есть юго-западный, но об этом все забывают), проводить внеплановую проверку Особых отделов частей и соединений РККА. Артуру это привычно, а я пока смутно себе представлял, в чем заключается моя роль. Феликс Эдмундович туманно сказал, что я должен заниматься своим делом. Своим, это каким? У меня есть мандат, где я числюсь уполномоченным Особого отдела. То есть, по должности я младше Артузова, имеющего более «тяжелый» мандат особоуполномоченного, но на мой вопрос – являюсь ли его подчиненным, Артур только жмет плечами. Мол, решай

сам.

Уполномоченный, должный осуществлять проверку, это одно, но если я выступаю в роли начальника ВЧК Польской республики, это другое. Про Лонгву, должного стать официальным главой чека, уже все забыли. В общем, черт ногу сломит, вторую вывернет. И меня никто не снимал ни с должности начальника губчека, ни с должности особоуполномоченного ВЧК по Архангельской области. Что там еще? А, еще председатель «Правительственной комиссии по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на Севере». Про прочие свои должности не упоминаю.

Слегка расстроило заседание Политбюро. Как говорили в газетах, прения были долгие, споры велись жаркие. Громче всех протестовал Николай Иванович Бухарин, посчитавший, что переход к продовольственному налогу и свободной торговле – это отступление от коммунистической идеи. Ну, Бухарина, выпустившего несколько книг о «военном коммунизме», понять можно. Но споры спорами, а всех переубедил товарищ Ленин. А было такое, чтобы Ленин не смог переубедить своих товарищей? Право, не упомяну. А еще, неожиданно для многих, Ильича поддержал товарищ Дзержинский, заявивший о том, что новая экономическая политика сможет «разрядить внутреннюю политику внутри страны и даст толчок к расширению коммунистического плацдарма».

Мне, вроде бы, надо радоваться, но дело в том, что к новой экономической политике решено перейти лишь с перво-

го января одна тысяча девятьсот двадцать первого года. Бесспорно, некая логика в этом есть. В нынешнем году уже все рассчитано и подсчитано, еще не созревшее зерно, не возшедшая картошка и все прочее, поделены между губерниями. Так что, станет ли ощутимо, что нэп введут с января, а не с марта, пока не знаю.

Откровенно-то говоря, у меня имелись и собственные шкурные интересы. Я рассчитывал, что из-за введения продналога и Тамбовское восстание не произойдет, и Кронштадтский мятеж не случится. А мне, как начальнику Архангельского чека не придется ломать голову, где размещать высланных крестьян и балтийских братишек, и чем их кормить.

Но все это потом. Покамест, еду в Смоленск, на своем бронепоезде, со своей «джаз-командой». Даже Семенцов до сих пор не сбежал, удивительно.

Глава 1. Бытовые мелочи

Отъезд бронепоезда на Западный фронт (или, мы вначале рванем на Юго-западный?) планировался через четыре дня. Артузову требовалось «довести до ума» свои наработки, подготовить личный состав, отыскать вагоны, а я, по мере возможности, стану ему помогать. Но пока Артур не просил помощи, а я особо и не настаивал. Не так уж часто у меня появлялась возможность поскучать и побездельничать. Долго без дела находиться не могу, но иногда полентяйничать полезно.

Сегодня я решил «выгулять» Татьяну Михайловну, а заодно и свой гражданский костюм. Кстати, к нему пришлось покупать шляпу. Это в двадцать первом веке никого не удивит мужчина без головного убора, а в тысяча девятьсот двадцатом году на меня смотрели так, словно я шел без штанов. Пришлось пойти на Охотный ряд, и в одном из павильонов, по странности, уцелевших в эпоху «военного коммунизма» приобрел себе фетровую шляпу. Поначалу хотел обзавестись более демократичной кепкой, но глянув на себя в зеркало – на меня смотрел не интеллигентный руководящий работник ЧК, а «деловой» из Марьиной рощи, хмыкнул, и передумал.

Мы прогулялись с Таней по набережной Москва-реки, обогнули Кремль, а куда идти дальше, я просто не знал. Будь

это моя Москва, сводил бы девушку куда-нибудь в Аптекарский огород, Музеон, а то и в парк Зарядье, а куда податься молодым людям в двадцатом году прошлого столетия, ума не приложу. В парк, что ли сходить, да где нынче парки? Деревья либо на дрова спилили, либо обнесли здоровенным забором, чтобы посетителей не пускать. И в ресторан девушку не поведешь – и не по средствам, и не по должности.

Вышли на Тверскую, свернули в Камергерский переулок, еще без памятника отцам-основателям, да и сами они живехоньки – здоровехоньки, спектакли ставят, с актерами ругаются, драматургов притесняют. Зато проходя мимо Московского художественного (а с недавних пор еще и академического) театра, я с удовольствием принялся рассказывать Татьяне о сложных взаимоотношениях между Станиславским и Немировичем-Данченко, черпая сведения из прочитанных некогда книг, а особенно из еще ненаписанного «Театрального романа». Подозреваю, что девушка восприняла мою осведомленность не за общую эрудицию, а за особенности чекистской службы. Типа – «пасет» чека лучших режиссеров страны, глаз не спускает! Но специально на режиссеров чека глаз «класть» не станет, да это и незачем, потому что славные служители всех девяти муз следят друг за дружкой похлеще штатных сотрудников, а что случись – наперебой побегут на Лубянку, да еще и друг друга локтями отпихивать станут. Скажете, не бывало такого, все придумали? Ну, ваше право не верить.

На здании МХАИ висела одна единственная афиша, размытая дождем, где значилось, что театр сегодня дает мистерию «Каин», поставленную по произведению Джорджа Байрона. На «Каина» я бы не пошел, а вот в буфет сходить можно. Похоже, Татьяна уже успела проголодаться. Впрочем, какой может быть нынче буфет? Если такой, как спектакль, то лучше перетерпеть. Но девушек баснями не кормят, и я повел боевую подругу на Лубянку.

В столовой на Лубянке уже который день кормят рисом. При желании, это блюдо можно назвать либо жидкой кашей, либо густой похлебкой, но не суть важно. После щей из квашеной капусты и супчика «карие глазки» из опостылевшей воблы, рис пошел на «ура». И даже то, что к нему не давали хлеба (решением общего собрания вся мука из столовой отправлена на Польский фронт), рис все равно казался райским блюдом. Народ трескал так, что за ушами пищало, а семейные пытались украдкой слить похлебку в баночки или котелочки, чтобы отнести домой, но это дело пресекалось суровым товарищем Янкелем – начальником столовой, не разрешавшим выносить еду за пределы Лубянки, невзирая на чины и звания. Вон, сам Ягода вчера попытался прихватить с собой лишнюю порцию, но его остановили и, к собственному смущению и тихой радости рядовых сотрудников, управляющий делами Особого отдела ВЧК вынужден был вернуться обратно и все съесть. Давился, но ел. Пожалуй, товарищ Янкель выпустил бы только самого Феликса Эдмундовича,

но я себе плохо представляю, чтобы Дзержинский что – то выносил с Лубянки.

Если честно, у меня двойственное чувство ко всему происходящему. С одной стороны, порядок есть порядок. Даже в эпоху изобилия (это я про двадцать первый век), человек, скидывающий в контейнер вкусняшки со «шведского стола», выглядят непрезентабельно, хотя всё недоеденное отправится потом в мусорный контейнер. Но в одна тысяча девятьсот двадцатом году, когда среди семейных сотрудников чека не редкость голодные обмороки, если человек «располовинит» собственную порцию, чтобы отнести еду жене и детям, что в этом страшного? Другое дело, что работники Центрального аппарата ВЧК, разбредающиеся по домам с котелками и кастрюльками, вызовут ненужные толки среди москвичей, и так считавших, что мы здесь обжираемся пшеничными булками и краковской колбасой.

А я, грешным делом, уже второй день кормлю рисовой кашей Татьяну, хотя она, в отличие от меня, не относится к числу приписанных к центральной столовой, но у нас никто не спрашивает прикрепительные талоны. Кажется само – собой разумеющимся, что если человек спустился в подвал, то имеет на это право. И совесть моя абсолютно спокойна. Если бы не дочь кавторанга в образе медсестры, то хрен бы Артур Христианович расколол поляков, а любой труд должен быть оплачен. Чай у товарища Артузова отменный, но маловато будет, а Танька – девка прожорливая, и покушать очень да-

же любит. Сlopает собственную порцию, а потом норовит «попробовать» из моей миски – дескать, у тебя вкуснее. Глядишь, пока пробует, половины порции как не бывало!

Народ говорил, что это товарищ Сунь Ятсен прислал из Китая товарищу Феликсу пять мешков риса, а тот, при своей скромности, распорядился передать подарок в столовую ВЧК. У меня сомнение, что рис пришел из Китая, да и товарища Сунь Ятсена там не должно быть, но какая разница? Главное, что рисовая каша относится к числу моих любимых, а рис испортить труднее, нежели пшенку.

– Не возражаете? – услышал я знакомый голос.

Елки-палки! Оказывается, за моей спиной стоит сам товарищ Дзержинский, держа в одной руке миску с кашей, а в другой жестяную кружку. А я, увлекшийся нешуточной схваткой с Танькой за остатки собственной порции, не понял, отчего в столовой наступила тишина, ложки заработали со скоростью вертолетного винта, а сотрудники, словно по команде, резво все доедали и допивали, стремясь поскорее вернуться к работе. Еще удивительно, что народ не вскочил со своих мест и не вытянулся. Но то народ, еще не приученный вскакивать при появлении высокого начальства, а не я, привыкший резво подниматься с места, даже если команда «Товарищи офицеры!», прозвучала по телевизору. К чему это я? Да все к тому, что вскочил с табурета только при звуке голоса Председателя ВЧК.

К счастью, мой порыв не вызвал удивления ни у Татьяны

(все-таки, дочка обер-офицера), ни у самого Дзержинского.

– Сидите, Владимир Иванович, – сказал Феликс Эдмундович, осторожно поставив на хлипкий столик миску и кружку.

Я молча плюхнулся на твердое сиденье, решительно подгребая собственную посуду, намереваясь доесть остатки каши, но увидев торжествующий взгляд девушки, только вздохнул. Успела-таки «добить», пока я с Председателем ВЧК раскланивался. Вот ведь, зараза! Но всерьез на Татьяну я рассердиться не мог. Все-таки, большая часть порции досталась мне самому, наелся, а то, что ел медленно – мои проблемы. Но как хорошо, что я не собираюсь жениться на Татьяне Михайловне! Как ее мама с папой прокормить умудрялись? С другой стороны, хороший аппетит – залог здоровья ребенка.

– Как вам наша столовая? – поинтересовался Дзержинский, зачерпнув первую ложку.

– Неплохая, – дипломатично отозвался я.

– Когда говорят неплохая, значит что-то не устраивает, – хмыкнул Феликс Эдмундович.

Я слегка удивился. Казалось бы, «Железный Феликс» далек от бытовых проблем, а вот, равнодушен к столовой.

– Да нет, все гораздо проще, – пожал я плечами. – Столовая неплохая. Понятное дело, что скатертей и салфеток нет, но это мелочи. Но здесь бы еще прибраться, столы помыть, подремонтировать. А еще неплохо бы при входе раковину с водопроводным краном установить, либо рукомойник по-

ставить. Люди приходят обедать, а руки помыть негде.

– Да? – с легким удивлением переспросил Дзержинский. Потрогав липкий стол, брезгливо поморщился, хмыкнул: – А ведь действительно...

Повернувшись к стоящему неподалеку Янкелю, ловившего каждое оброненное слово, Феликс Эдмундович кивнул и тот, с ловкостью расторопного полового, ринулся к нашему столику.

– Слушаю вас, товарищ Дзержинский? – выгнулся начальник столовой ВЧК.

– Столы помыть, в помещение навести чистоту, на входе установить водопроводный кран, – негромко приказал Дзержинский и, посмотрев на меня, спросил: – Что-то еще, товарищ Аксенов?

Я лишь неопределенно повел плечами. Кажется, в реалиях нынешнего времени – все прекрасно и изумительно. Промолчал, но не удержалась Татьяна.

– С тараканами надо что-то делать. Ходят, как у себя дома.

– Кильваторной колонной, – усмехнулся я.

– Это называется – походный ордер, – уточнила дочь кавторанга, презрительно окинув взглядом «сухопутчиков».

А начстоловой теперь смотрит на меня, как товарищ Троцкий на американский капитал. Пожалуй, в следующий раз он Татьяну кормить не станет и придется делить порцию на двоих. Причем, большая половина достанется не мне. И впрямь, товарищ Янкель решил проявить строгость. Подпу-

стив в голос металла, спросил:

– А почему здесь обедает посторонняя женщина?

– Женщина не посторонняя, – веско изрек я, прихлебывая чай, напоминавший по вкусу второй раз заваренный банный веник. – К тому же, должна же она где-то есть?

– Еще раз спрашиваю, что здесь делает постороннее лицо?

– Товарищ Янкель, а разве в присутствии Председателя ВЧК могут быть посторонние лица? – ответил я вопросом на вопрос.

И что тут возразишь? Начальник столовой открыл рот, потом также его закрыл. А Феликс Эдмундович... о, чудо! Кажется, «железный Феликс» прячет улыбку под эспаньолкой. Пожалуй, придется Лубянке все-таки кормить посторонних. Ничего, не объест.

– Вы вначале с тараканами разберитесь, чистоту наведите, а о женщинах потом будете рассуждать, – сухо сказал Дзержинский и Янкель кинулся выполнять распоряжение Председателя.

Феликс Эдмундович поднял взгляд на меня.

– А я вас не сразу узнал, – сообщил вдруг Председатель ВЧК.

Я поначалу не понял, чего вдруг, потом дошло, что Феликс Эдмундович ни разу не видел меня в штатском костюме. Впрочем, если бы кто-то, а хоть я и сам, узрел товарища Дзержинского в гражданской одежде, не узнал бы, настолько сросся его образ с военной формой.

– Хороший портной, – продолжил между тем Председатель, разглядывая мой пиджак.

– Это я в Архангельске шил, – торопливо признался я, словно опасаясь, что Дзержинский попросит адрес портного. Впрочем, что для Феликса Эдмундовича какой-то адрес?

Но адреса Феликс Эдмундович спрашивать не стал, а принялся есть. Ел Председатель ВЧК аккуратно, но как-то равнодушно, словно ему все равно, что у него на тарелке – вкусная рисовая каша, или опостылевший супчик из воблы. Интересно, а если бы на тарелке Дзержинского оказалась ... ну, хотя свиная отбивная, с картофелем, или омлет с грибами? Думаю, ничего бы не изменилось. Не удивлюсь, если еда не доставляла ему удовольствия, а являлась только насущной необходимостью.

– Владимир Иванович, кто рисовал макет нагрудного знака? – поинтересовался вдруг Дзержинский.

– Идея моя, а воплощение – Татьяны Михайловны, – кивнул я на дочь кавторанга.

Я почти не погрешил против истины. Ну, за исключением того, что сам содрал идею с нагрудного знака «Почетный чекист». Изначально, поручил сделать эскиз Саше Прибылову, не сомневаясь, что он из моей корявой картинки сотворит шедевр. Но художники, они странный народ.

Я ведь уже говорил, что художников нужно топить во младенчестве? Кажется, говорил, но готов повторить эту фразу еще раз. Казалось бы, чего тут стараться и мучиться, если пе-

ред тобой лежит набросок, изображающий щит и меч, с красной звездой посередине, и надписью «почетный чекист»? Так нет же, Саша Прибылов и здесь сумел накосячить. Вместо «французского» щита изобразил итальянский овальный, сильно зауживавшийся снизу, справа и слева – по звездочке, а вместо меча нарисовал два скрещенных турецких ятагана. Думаю, вы уже догадались, что получилось? Ага, «Веселый Роджер». Пришлось перепоручить работу Татьяне.

Хотел невинно осведомиться – что, мол, эскиз неважный, но не рискнул. Татьяна может шутку не оценить, да и Феликс Эдмундович тоже.

– Рисунок отличный, художник вполне профессиональный, – сказал Председатель ВЧК, отчего Татьянам Михайловна зарделась. – Но я позволил себе одну поправку. Ваш меч на знаке установлен вертикально вверх.

– Ну да, – кивнул я. – Щит символизирует защиту граждан, но клинок, острием вверх – меч, готовый разить.

– Думаю, все и так догадываются, что символ ВЧК – и защита, и нападение, Но острие, устремившееся вверх, не очень красиво. Я распорядился поместить меч за щитом, а рукоятку расположить сверху.

Спорить с Дзержинским я не стал. Все равно, в глазах простого обывателя, хоть меч, а хоть и щит госбезопасности, символизирует нападение. К тому же, было бы странно, если большой начальник не отыщет огрехи.

– Первую партию знаков планируем выпустить ко дню взя-

тия Варшавы, – сообщил Дзержинский будничным тоном.

И тут я едва не подавился жиденьким чаем. Вроде бы, вопрос о взятии Варшавы пока не стоит. Если верить *тем* историческим источникам, решение о наступлении на столицу Польши будет принято только в середине июля. Сейчас же июнь, и поляки огрызаются так яростно, что говорить об успехах Красной армии, покамест рано. Впрочем, мое «назначении» на условную должность польского «первочекиста» состоялось еще раньше. Кто знает, когда в голове товарища Ленина созрел план советизации Польши?

– Может, лучше выпустить первые знаки к трехлетию образования ВЧК? – осторожно предложил я и пояснил. – У нас будет привязка к конкретной дате, а не к условной.

Дзержинский только неопределенно мотнул бородкой. Встал, уложил в опустевшую миску кружку, и отправился сдавать грязную посуду, подавая пример нерадивым сотрудникам, норовившим оставить ее на столе. Надо бы предложение внести – расположить в нашей столовой лозунг, типа «Помоги товарищ нам, убери посуду сам!», или «Поел – убирайся сам!».

Мы с Татьяной последовали примеру Дзержинского. Когда выходили, наткнулись на Артузова. Артур понюхал запаха столовой, и грустно сказал:

– Опять рис. Фу. – Я хотел предложить, чтобы Артур Христианович угостил кашей бедную девушку – пожалуй, в нее и третья порция влезет, но тот вздохнул: – Терпеть не могу

рисовую кашу, но есть придется.

Посмотрев на меня, Артузов сказал:

– Мне утром из Коминтерна звонили, тобой интересовались.

Артур, славный парень, не сказал, кто именно интересовался, но я догадался сам. Неужели Наталья вернулась? Татьянушка – девчонка славная, с ней можно в огонь, в воду, да и в постель, уж извините за откровение, но все-таки, это не то. Татьяна, пусть она и моложе, но это не Наталья Андреевна. А если читатель обзовет меня геронтофилом, переживу. Переживал и не такие глупости.

Глава 2. О журналистах и журналистике

Моя бы воля, понесся бы аки лось в Коминтерн, но сначала нужно проводить до бронепоезда Татьяну. Все-таки, не очень прилично бросать девушку прямо на Лубянке.

Наверное, пока шли до Каланчевской площади, я невольно ускорял шаг, потому что Татьяна время от времени фыркала, и просила идти потише.

Мой поезд слегка увеличился в размерах. Кроме пяти бронированных вагонов к нему прицепили еще три. Видимо, товарищ Артузов поедет на фронт не один, а с силовым сопровождением. Откуда-то с хвоста слышался загибистый флотский мат красного командира Карбунки. Не иначе, революционный матрос наводит порядок. Вообще, из всех моих архангельских орлов, известие, что мы отправляемся на фронт, порадовало лишь двоих – Карбунку и Потылицына, а остальные либо выразили равнодушие, либо даже недовольство. Не вслух, разумеется, но физиономии стали кислыми. Как ни странно, (а может – наоборот, нормальная реакция?), явное недовольство выразил лишь товарищ Исаков. Буркнув – мол, опять воевать, Александр Петрович сверкнул очками, и отвернулся. Подозреваю, что бывшему штабс-капитану хотелось выругаться, но постеснялся из-за своей при-

родной интеллигентности.

А вот Карбунка с Потылицыным, скорее всего, не навоевались. Бывший матрос с удовольствием вспоминал, как он гонял по железке «Павлина Виноградова», под градом английских и французских гранат, обстреливая из пулеметов белогвардейские цепи. Про град мореман явно преувеличивал, про цепи – тем более. В худшем случае его бронепоезд, нынче сражающийся с поляками, мог заполучить одну-две бомбы, не больше, а такой дурости, как атаковать бронепоезд пехотными цепями, военачальники Северного правительства себе не позволили. Это только мои бывшие коллеги по работе в Череповецкой чека хватают, как они в густом лесу ходили в штыковые атаки¹. А Вадим Сергеевич Потылицын, «рыцарь плаща и кинжала», не может жить, не ввязавшись в какую-нибудь авантюру, а иначе сидел бы себе тихонечко в Норвегии, или в Финляндии, ловил форель, а не вернулся в Россию искать себе приключений на важное место.

У входа в вагон с довольно высокими ступенями, я остановился, задумавшись – а как следует поступать, по правилам хорошего тона? Вроде, положено пропускать женщину вперед, но здесь довольно приличная высота, и возникнет весьма скользкий момент. Нет, насколько помню, из правил есть исключения – мужчина первым должен выходить из лифта, чтобы помочь даме, и из машины. А вот ручку Татья-

---

¹ Наседкин Л.С. Воспоминания. Машинопись. Место хранения – архив ЧерМО.

не Михайловне целовать не стану. Во-первых, она еще девушка (пусть и формально), во-вторых, моя подчиненная, а в-третьих, лобзание руки у женщины – это есть буржуазные предрассудки.

Между тем Татьяна хмыкнула, оглядела меня с головы до ног, и сказала:

– Вам бы, товарищ Аксенов, костюм следовало вначале погладить, а уже потом на свидание торопиться.

– Почему на свидание? – возмутился я. Возможно, чуть-чуть ненатурально, потому что Татьяна пропустила мой возглас мимо ушей и задала новый вопрос.

– А правда, что вашей даме сорок лет, и она дочь графа Комаровского?

Мне бы сказать, что это не так, и что собираюсь в Коминтерн по сугубо важным и служебным делам, но этой девушке я отчего-то соврать не смог. Правда, предварительно огляделся по сторонам – не слышит ли кто? Узрев в тамбуре караульного, махнул ему рукой – мол, сгинь с глаз моих, а потом собрался с духом.

– Правда, – согласился я, но уточнил. – Только лет ей не сорок, а тридцать семь. Но ее папа уже не граф, а эмигрант.

– П-а-а-думаешь! – протянула Татьяна. – Мой предок штурманом у самого Петра Великого служил, и вместе с государем шведские фрегаты на Неве брал! Вот.

– Танюш, а мои предки вообще крестьянами были, и мне все равно, кем они были, – сообщил я.

– Крепостными? – поинтересовалась Татьяна.

Вот уж чего не знаю, того не знаю. В Череповецкой уезде были и крепостные крестьяне, и монастырские, и государственные. А деревня Аксеново, откуда родом мой Вовка? Я только пожал плечами.

– Знаю только, что они из староверов. Да и какая разница? Вон, у адмирала Макарова дед точно крепостным был.

– Вице – адмирала, – механически поправила меня девушка.

Вот что значит дочь кавторанга. А начни разговор, выяснится, что ее папенька вместе с Макаровым служил, и на «Петропавловска» чудом уцелел.

– Ладно, Владимир Иванович, – насмешливо посмотрела на меня Татьяна Михайловна. – Вижу, что вы с ноги на ногу переминаетесь, словно куда-то спешите. (Я догадался, что Таня хотела сказать «в галюн», но не сказала. А ведь с нее бы случилось!) Отправляйтесь – ка на свидание к своей графине, а я вас пока подожду.

– В каком смысле, подожду? – не понял я.

– В том смысле, что вы решить должны – с ней остаетесь, или со мной, вот и все.

Ну, ни хрена себе! Мне уже и условия ставят. А я-то дурак решил, что у нас свободные отношения. Ага, как же.

– Сколько вам времени понадобится? Месяца хватит? Или два?

Я обалдело хлопал глазами, пытаюсь понять – всерьез это

она, или шутит? Но похоже, что не шутила.

– Ладно, даю вам три месяца, – махнула рукой Татьяна, словно купец, решивший – таки заключить сделку. – Три месяца подожду, а там решайте – с графиней останетесь, или со мной.

Не дожидаясь, чтобы кавалер поднялся наверх, и предложил руку, Татьяна слегка придержала подол, а потом взлетела по лестнице вверх, с ловкостью бывало матроса.

От Каланчевской площади до Моховой, где на углу, почти напротив Александровского сада, обитал Коминтерн пешим ходом около часа. Стало быть, у меня было достаточно времени, чтобы осмыслить ультиматум, предъявленный Татьяной, но разговор с дочкой кавторанга вылетел из головы минут через пять. Ладно, не через пять, через десять. И думал не о последствиях – что, пристрелит она меня из своего револьвера сорок четвертого калибра, или сама пустится во все тяжкие – так это уж, как пойдет. Больше интересовало – откуда она узнала про дочь графа Комаровского, и про ее возраст? Впрочем, я из этого секрета не делал, а источником информации могла стать Анька Спешилова, узнавшая о моих сердечных переживаниях от мужа. Да и сама Анна могла видеть нас вместе. Москва, в сущности, одна большая деревня даже в двадцатом году двадцать первого века, а что говорить о двадцатом?

Но остальное время думал о предстоящей встрече с Наташей, и о том, как же я нехорошо поступил, изменив своей

любимой женщине. Утешал себя тем, что мы с ней пока не муж с женой, а вот если бы были официально женаты (хоть в ЗАГСЕ, а хоть в храме), тут уж другое дело. М-да, а я сам-то в это верю? Пожалуй, не очень. Мало быть мужем и женой, надо и видеться почаще.

Тем временем, ноги привели меня к зданию Коминтерна. Уже не в первый раз подумал, что выбор места здесь не самый удачный – все иностранные коммунисты, входившие внутрь, на виду.

У ворот Александровского сада расположился какой-то пожилой книжник, разложивший на опрятной рогоже старые книги. Как я не спешил, но пройти мимо не смог. Так. Ключевский, Карамзин, Устрялов. Были здесь еще несколько сборников Баратынского и Фета и два тома из собрания сочинений Пушкина. Эх, когда же у меня будет постоянное место жительства, где можно устроить библиотеку? Но на одном из трудов Карамзина я узрел интересную брошюрку. Батюшки – святы! Так это же первое издание «Пригожая повариха» Михаила Чулкова. Едва ли не первое эротическое издание в России. Места много не займет, а книжечка редкая.

Но только я уцепил приглянувшуюся книгу, как меня попытался отпихнуть в сторону какой-то усатый дядька, толстомордый, со слегка выпученными глазами, от которого изрядно пахло самогонкой и несвежими портянками.

– Ну ка парнек, дай сюды! – потребовал дядька, протянув

руку за книгой.

– С какой стати? – хмыкнул я, поворачиваясь к книжнику.

– Сюда подай, я кому сказал!

Я внимательно посмотрел на «поддатого» ценителя редких книг. Если бы не военная форма, можно бы принять его за обнаглевшего извозчика.

– Товарищ, эту книгу я первый взял, значит, она моя, – сообщил я.

Если честно, то будь гражданин повежливее, я уступил бы ему эту книгу. Похоже, он был из породы библиофилов. Но коли хамит, то шиш ему, а не «Пригожая повариха».

– Ну ладно... – злобно прошипел дядька.

Я уж было подумал, что гражданин сейчас ринется в драку, но он лишь злобно позыркал на меня выпученными глазами и куда-то побежал.

С книжником мы сторговались на двухстах рублях. Подозреваю, что он хотел бы получить больше, но после случившегося инцидента старичок заторопился и принялся собирать книги.

Я еще не успел отойти, как меня окликнули:

– Гражданин, стоять!

Ко мне приближался толстомордый библиофил, а с ним два милиционера с винтовками. Повернувшись к стражам правопорядка, я улыбнулся:

– Слушаю вас внимательно.

– Ваши документы, гражданин, – строго потребовал от

меня один из милиционеров, а толстомордый, радостно улыбался, потирая ладошки.

– А вас не учили, что вначале нужно представляться самим?

– Гражданин, ваши документы, – упрямо твердил милиционер.

Вполне возможно, что в стране, где каждый второй одет в военную форму, гражданин в штатском не производил должного впечатления. Потому, я не стал пререкаться, а просто вытащил из внутреннего кармана удостоверение. Раскрыв, продемонстрировал его сотрудникам милиции.

Как всегда, произошла мгновенная метаморфоза. Вот, только что это были важные и строгие служители закона, а теперь напоминали шкодливых школьников.

– Товарищ особоуполномоченный, прощения просим, – сразу же заюлили сотрудники. – Не признали вас без формы-то.

Хотел провести содержательную беседу, но вспомнив, что в ближайшее время у меня есть более важная вещь, нежели воспитание нерадивых милиционеров, сказал:

– В следующий раз отправлю вас под арест. А теперь – шагом марш отсюда!

Милиционеры, довольные, что их отпустили, быстро ушли, но толстомордый товарищ сдаваться не собирался.

– А мне плевать, что ты уسوبый и уполномоченный. Да ты знаешь, кто я такой? – выкатил рачьи глаза незнакомец. –

Да я самый великий поэт Советской России! Да я с самим Троцким водку хлебал, а у товарища Бухарина чай пил. Да ты знаешь, что я с тобой могу сделать?

Самое интересное, что я понял, кто стоит передо мной. Свернув в трубочку книжку и, спрятав ее в карман, ухватил толстомордого за плечо, развернул его лицом к Итальянскому гроту, доверительно прошептал прямо в ухо:

– Клоун ты, из погорелого цирка, а не поэт. – Толстомордый попытался дернуться, пришлось немножко сжать пальцы, и он притих. – Я тебе сейчас пинков надаю, и никто тебя не спасет – ни Троцкий, ни Бухарин. А когда узнают, что поэта Всея Руси отпинали, смеяться станут, и все.

Пинать, разумеется, я его не стал, но дал тычка в спину, чтобы прочувствовал, что следует вести себя с незнакомыми людьми более вежливо. Надеюсь, урок пойдет на пользу. Хотя, этому гражданину (но не поэту!), никакие уроки не помогут.

Настроение уже было подпорчено. И встреча с Наташей оказалась совсем не такой, как я ее себе представлял. К тому же, в ее кабинет то и дело заглядывал народ, что-то спрашивал, с любопытством смотрел на ответственного сотрудника Коминтерна, и довольно-таки молодого мужчину в непривычном для этого времени штатском костюме. Все, что мы смогли себе позволить – это поцеловать друг друга.

– Вечером увидимся? – поинтересовался я.

Наталья Андреевна лишь кивнула. Что ж, уже хорошо. Но,

елки-палки, оказывается, забыл переложить письмо Полины из гимнастерки в пиджак. Спрашивается, как я теперь стану отчитываться? Впрочем, Наташа такой человек, что поверит и на слово. Я бы ей поверил.

– Без бороды тебе лучше, – сказала Наталья. Вздыхнув, добавила: – Моложе выглядишь. И костюм хорош, по парижской моде.

Парижская мода, подозреваю, ушла вперед года на два-три, но кто в России сумеет угнаться за этой переменчивой особой?

– Володя, у меня к тебе дело, – деловито сообщила Наталья Андреевна. – Мой знакомый французский журналист хотел бы взять у тебя интервью.

– Именно у меня? – удивился я. Не того я полета птица, чтобы французские журналисты желали брать интервью.

– Ну, скажем так, не только у тебя, а вообще, у людей, проживающих не в столице, а в провинции. Мишель Потье – французский коммунист, и журналист.

– Потье? – переспросил я. Фамилия отчего-то казалась знакомой. А где я ее слышал, не помню. Может, в романах Дюма?

– Это другой Потье, – отмахнулась Наташа. – У нас ведь тоже – есть просто Голицыны, и князя Голицыны.

– Ну, другой Потье, так другой, – покладисто согласился я. Можно подумать, что я знаю, кто «этот» Потье.

– Так вот, Мишель работает в одной газете. Она не ком-

мунистическая, а социалистическая. Знаешь, в чем разница?

– Конечно не знаю. Откуда нам, серым и убогим знать? – фыркнул я.

– Извини Володя, – слегка смутилась Наташа. – Иногда забываю, что ты уже не тот бестолковый мальчишка.

Вскочив с места, моя бывшая начальница подбежала ко мне и крепко поцеловала. Ну, за этот поцелуй можно все простить. Я уже собрался сграбастать свою любимую женщину, усадить на колени, но она вырвалась, и убежала на свое место. Погрозив мне кулачком, кивнула на дверь – мол, бдят! Продолжила:

– Его читателей интересует не только Москва и Петроград, но и другие города России. И мне поручено помочь Мишелю с организацией интервью. Я, когда узнала, что ты в Москве, решила, что товарищ Аксенов не станет отказываться.

Звучит, вроде бы, правдоподобно, но есть кое-какие нюансы.

В *той* жизни давать интервью я смог бы лишь по разрешению вышестоящего начальника. И даже, не по разрешению, а по приказу. Давать интервью по личной инициативе? Да боже упаси! Такие вещи, как сотрудничество с прессой, строго регламентированы. Вот и сейчас, едва Наталья упомянула о сотрудничестве с прессой, я задумался. А имею ли я право давать интервью, да еще представителю зарубежного СМИ, без разрешения Дзержинского?

Любой сотрудник спецслужб шарахается от журналистов, как черт от святой воды. Скажешь одно – они услышат другое, переиначат по-своему, а потом иди, доказывай, что ты совсем не это имел в виду. Так что, товарищи представители второй древнейшей профессии, вам прямая дорога в пресс-службу, где сидят улыбающиеся девочки и немолодые юноши, они вам всю информацию и предоставят. Дозированную, согласованную, и все прочее.

Но недопонимание – это полбеда. Во все времена дипломатия и журналистика – лучшее прикрытие для шпионов.

Борис Алимович Сагадеев, который бывшего Генерального штаба экс-полковник, рассказывал на лекции, как немецкие и австрийские разведчики, накануне Первой мировой войны, «разводили» наших офицеров на выдачу государственных тайн.

Методика, к слову сказать, очень проста. Жалованье младших офицеров было скудным, а расходы, как правило, большими, а уж амбиции непомерные. Из тысячи начинающих военную карьеру офицеров, дай Бог, если в генералы выбивался один, а десяток становились полковниками. Большинству же уготовано выйти в отставку, на половинное жалованье, в чине штабс-капитана, а в лучшем случае – капитана-подполковника. А жить-то хочется и перед барышнями в ресторациях краснеть не охота, копаясь в кармане, в поисках серебряного рубля. Тогда вопрос – а где найти копеечку, чтобы и на шампанское хватало, и на цветы с шоколадом

от «Жоржа Бормана»? Но немалое количество прапорщиков и поручиков знало, что светила русской литературы, такие как Лермонтов, Толстой, Достоевский (список можно продолжить) вышли именно из их среды. А литератор – это почет и уважение, а еще неплохие деньги. А чем, черт возьми, пехотный поручик Белоножкин хуже артиллерийского поручика Толстого? Кто сказал, что прапорщик Тягнибок пишет слабее, нежели хорунжий Иванаев, пишущий о быте казаков? И вот, пожалуйста, на ловца и зверь бежит. Появляется некий господин, представляющийся журналистом какой-нибудь иностранной газеты (совершенно безобидной, к правительству не имеющей никакого отношения), и предлагает вышепомянутому прапорщику и прославиться, и немножко заработать. Скажем, написать о нравственном состоянии нижних чинов и офицеров, об обмундировании. И, никаких государственных тайн, сплошная беллетристика, и платит щедро – по двенадцать копеек за строчку, как платили самому Чехову. А вот расписку о получении денег нужно дать. Я же их не из своего кармана отсчитываю, а из казенного. А редактор у нас строгий! А так, спасибо. Пиши, карман подставляй. Можно потом вручить новоявленному литератору десяток газет, отпечатанных на аглицком, или французском языках, чтобы не смущал готический шрифт заголовков. Прапорщик, на радостях раздарит газеты знакомым девицам, гонорар пропьет и захочет снова подработать. А почему нет? Напиши, дружище, о местах, где расположены во-

инские части (ничего секретного, просто укажи, куда солдаты за самогонкой бегают), о генералах (можно фамилию в тексте не указывать, упомянуть лишь мне тет-а-тет, это для отчета главному редактору). Забавно же, что генерал Н. начинает утро со стакана портвейна, обед запивает коньяком, а к ужину он уже «никакой», и дивизией вынужден командовать полковник С., у которого геморрой, а из-за этого перепоручает дивизию подполковнику, который строит себе домик, в ожидании выхода на пенсию. И читателю иностранном любопытно узнать, что у генерала М. молодая жена постоянно клянчит деньги, потому что ей приходится оплачивать карточные проигрыши любовника. И, чтобы потрафить супруге, рогоносец уже запустил руку в казенные деньги. В чем же здесь государственные тайны? Напротив, сплошной смех, почти по Аверченко. И заплатят уже не двенадцать копеек, а четырнадцать. А, вот еще о чем можно написать – о дорогах, по которым войска вывозят на смотры, и на учения. Если везут по железной дороге – то на каких станциях что-то интересное происходит? Можно о военных складах и магазинах. Небось, дороги – сплошные колдобины? И начальственные лица, отвечающие за вооружение и обмундирование – сплошные воры? Если есть приличные люди – замечательно! Честные люди в русской армии – за это еще пару копеек за строчку.

Ну, а коли напишешь о крепостях, о вооружении, о дислокации части на случай войны – будет тебе двадцать пять ко-

пеек за строчку. Не напишешь? Тайна, говоришь? Нет, дружище, напишешь. Почему на «ты»? Так все потому, что ты теперь мой подчиненный. Так я и говорю, что напишешь, куда ты теперь денешься, если расписку дал о сотрудничестве. Думаешь, давал расписку о сотрудничестве с газетой? Ну, герр лейтенант, надо бы в юнкерском училище иностранный язык учить. Там же черным по белому сказано, что герр лейтенант подписался сотрудничать с разведкой Имперского Генерального штаба. Что скажут в полку, если я передам им копию расписки? Повесить, разумеется, не повесят, но семь лет каторжных работ обеспечено. А будешь умницей – повысим тебе оплату до пятидесяти копеек за строчку, а коли контрразведка возьмет, станешь упирать на то, что никаких шпионских заданий не получал, а занимался литературным творчеством.

С тех пор мало что изменилось. В бурные девяностые годы, помнится, сотрудники секретных научных учреждений и лабораторий писали статьи для «научно-популярных» иностранных журналов, куда «сливалось» столько информации, что шпионы лапки потирали от радости.

Так что, доверия у меня к журналистам, особенно, к иностранным, не было. Я и в Архангельске-то отделялся от пишущей братии дежурными фразами, хотя они порой и зывали к корпоративной солидарности (знали, что я и сам некогда был причастен к журналистике), уверяя, что в работе ЧК сенсаций быть не должно, а если они происходят, это

значит, что чекисты работают плохо.

По правилам, почерпнутых мной из моей эпохи, следовало позвонить либо самому Феликсу Эдмундовичу, либо Ксенофонтову, который курировал Архангельскую губернию, но тут была маленькая «закавычка». Если верить Наталье, француз, представитель компартии, а согласуй я свое интервью с руководством ВЧК, покажу, что наши партийцы стоят под контролем государственной службы. Они, то есть мы, под контролем стоим, но зачем об этом знать разлагающемуся Западу, пусть и в лице прокоммунистически настроенных читателей? Посему, решив, что доложу руководству уже после общения с журналистом, отправился за Наташей.

Глава 3. Тонкости перевода

Наташа проводила меня на четвертый этаж, где обитал французский журналист. Пока поднимались, успел ее пару раз чмокнуть. Если смотреть на себя со стороны, то вроде бы и смешно. Другое дело, что в этот момент со стороны на себя не смотришь. И Наталья особо не противилась. Пожалуй, еще немного, и мы просто застрянем на лестнице, как два влюбленных школьника. Но внизу донесся шелест чьих-то подошв, и мы отпрянули друг от друга, вспомнив, что люди мы взрослые, да еще и с солидным общественным положением, а таким целоваться на лестнице неприлично.

Остановившись перед одной из дверей, обитой черной кожей, Наталья Андреевна кивнула:

– Вот здесь проживает наш французский друг. Кстати, Мишель не знает, что ты служишь в чека. Кем тебя представить? Сотрудником губисполкома, или просто членом губернского комитета партии?

Я мысленно похвалил Наташу. И впрямь, зачем пугать французского журналиста, даже если он и на самом деле коммунист? К тому же, если Коминтерн, как говорят, это одно из подразделений стратегической разведки, то он по определению кишит «кротами». Перевербовать можно кого угодно – хоть обычного коммуниста, хоть журналиста, равно как и внедрить своего агента под какой угодно личиной.

– Скажи товарищу французу, что я чиновник Архангельского губернского управления. Франция на что делится, на провинции?

– На провинции она делилась до Великой французской революции, а теперь у них департаменты, – хмыкнула Наталья.

– Значит, скажешь ему, что я чиновник какого-нибудь местного комитета самоуправления. Например...

– Ладно, не учи мамку курей красть, – перебила меня Наталья. – Посмотрев на мою отвисшую челюсть, улыбнулась: – Это меня в детстве кухарка научила. Мол – так у них цыгане говорили. Скажу, что ты чиновник органов местного самоуправления. Вон, у тебя и вид подходящий. Удачно, кстати, что ты сегодня не в форме.

Она снова осмотрела меня, поправила съехавший на сторону галстук и постучала, а услышав «ви», толкнула дверь.

Комната, отведенная под жительство Мишеля Потье, была довольно просторной, с шикарным видом на Кремль, но все портил бардак. На письменном столе рваные газеты соседствовали с рыбьими скелетами, а грязные чашки лежали вперемежку с машинописными листами. На полу валялись предметы личного гардероба и окурки. Пахло одинокими мужскими носками, прокисшим дымом и селедкой. Судя по всему, Потье привык, чтобы за ним убирались горничные или лакеи.

Сам журналист лежал одетым на разобранной постели, и

что-то старательно записывал в блокнот. Завидев Наталью, немедленно вскочил, что-то залопотал по-французски, а моя «большевичка» принялась отвечать и, как мне показалось, довольно игриво.

Товарищу Потье на вид было лет тридцать-сорок. Не зная, что он француз, принял бы за еврея – длинный, слегка горбатый нос, миндалевидные глаза, толстые губы и уже начавшие сесть волосы.

– Кхе – кхе, – демонстративно закашлялся я, привлекая к себе внимание, а потом поинтересовался: – Товарищи, а я вам не мешаю?

– Владимир, а в чем дело? – нахмурилась Наталья Андреевна.

– Ни в чем, – пожал я плечами.

Наталья размышляла несколько секунд, потом до нее дошло.

– Володя, не сердись, – улыбнулась сотрудница Коминтерна и погладила меня по руке. – Все время забываю, что ты не знаешь французского языка.

– Да я и английского с немецким не знаю, и польский до сих пор не выучил.

– Лентяй ты, Владимир Иванович, а еще начальником считаешься, – вздохнула Наталья, а потом соизволила представить меня товарищу французцу: – Владимир, это наш французский товарищ Мишель Потье.

– Владимир, – протянул я руку французцу.

– Владимир, отчень пириятно, – потряс мою руку товарищ Потье. – Меня зовуть Микаил па-руськи.

Француз увлекся пожиманием моей руки, видимо, пытался определить ее силу. Что ж, пришлось сжать ладонь покрепче.

Потье молодчага! Терпел, хотя из глаз уже потекли слезы. Хотел нажать посильнее, но заработал тычок в поясницу.

– Ты сейчас человеку пальцы сломаешь, медведь архангельский, – прошипела мне в спину Наталья Андреевна.

– Чего это, сразу медведь? – возмутился я, но руку разжал.

Потье принялся махать ладонью, а Наташа опять зашипела:

– Отелло череповецкий, я тебе вечером козью морду сделаю!

Кажется, дочери графа Комаровского удалось удивить меня два раза подряд.

– А козья морда, это откуда? От конюха нахваталась?

– А козья морда, дорогой мой, от тебя, – сообщила Наташа, потом добавила: – Сам же то и дело кому-нибудь обещаешь ее сделать. А я из – за тебя недавно опростоволосилась – пообещала одному высокопоставленному товарищу «козью морду» сделать, если он не перестанет к моим сотрудницам приставать. Товарищ потом полчаса икал от возмущения.

– Если Бухарину, то ему давно пора сделать, – хмыкнул я, поняв, что снова попал впросак из-за собственного языка. А ведь я-то считал, что это вполне старое и обиходное вы-

ражение.

– Козия мордья? Что езь козия мордья? – заинтересовался француз, забывший об ушибленных пальцах.

– Вот, объясняй теперь товарищу, что означает «козья морда», – лучезарно улыбнулась «старая большевичка».

Но меня подобными оборотами смутить трудно.

– Козья морда, товарищ Мишель, это игра слов. Труднопереводимый русский фольклор, – разъяснил я французскому товарищу. Подумав, пояснил: – Сделать кому-то козью морду – то же самое, что накрутить хвост или начистить рыло.

На француза было жалко смотреть. Он шевелил губами, потом с трудом выдавил:

– Начьистить рильо?

Наталья попыталась сделать грозный вид, но не выдержала, засмеялась. Махнув рукой, принялась разъяснять Мишелю сложные конструкции русского языка. И я, к собственной гордости, понял целых два слова по-французски – «фольклор» и «прононс». Похоже, дочери графа удалось объяснить, и она, смахнув с чела воображаемый пот, сказала:

– Все, дорогие товарищи, оставляю вас. – Повернувшись ко мне, вздохнула: – Владимир, очень тебя прошу – говори, как можно проще и не используй своих любимых жаргонизмов.

– Когда это я жаргонизмы использовал? – недоуменно поинтересовался я.

– А «жесть» – не жаргонизм? А кто постоянно говорит –

«крышу снесло», или – «трубы горят»? Или – «порвать, как Бобик грелку»? Англицизмы твои, ненужные – «хайпнуть», «фейки», кто употребляет? Я таких словечек, как у тебя, ни в тюрьме, ни в ссылке не слышала. Теперь-то привыкла, но поначалу, хоть словарь нового аргю составляй. Понимаю, в Архангельске много словесной шелухи осталось после интвенции, но постарайся за языком следить.

Я слегка смутился. Ну, что тут поделаешь, если сленг двадцать первого века из меня так и прет?

– Постараюсь, – вздохнул я, а потом хмыкнул: – Зато я нецензурных слов не использую.

– А, – махнула рукой Наталья. – Мату товарища Мишеля и без тебя обучили.

– Руський матьюг – тре бьен! – вступил в наш диалог француз. – Все выражается пиросто и содържательно!

– Ладно, как ты любишь говорить – ну вас на фиг, а я пошла.

Наташа убежала по своим коминтерновским делам, оставив нас вдвоем.

Француз, почесав небритый подбородок знакомым жестом, скорее похожим на жест алкоголика, а не просвещенного европейца, залез под стол, и вытащил оттуда бутыл с чем-то мутноватым, не очень похожим на изысканное французское вино и спросил:

– Владимир, а ви не хотел выпить на посошэк?

Я не враз понял, что он имеет в виду, а расшифровав за-

гадочный «посошэк», помотал головой.

– Спасибо, но у меня дела. Если хотите выпить – пейте, а я пойду.

Потье быстренько убрал пойло обратно под стол, вытащил из – под груды мусора наполовину исписанный блокнот и попросил:

– Владымир, расскажите мне про Аркангельск.

Мишель прекрасно владел русским языком. Если бы не акцент – неподдающаяся буква «х», из – за чего он забавно выговаривал некоторые слова, ударения на последний слог и еще кое-какие тонкости, из него получился бы прекрасный собеседник. Впрочем, если долго общаешься с иностранцем, хорошо говорящим по-русски, то через какое-то время перестаешь обращать на «дефекты» речи.

Я принялся вдохновенно рассказывать об истории Русско-го Поморья, стараясь говорить предельно просто и коротко. Увы, не всегда получалось. Поведал, как русские романтики и искатели приключений двигались из Великого Новгорода на Северную Двину, основывали там поселения, дружили с биармами, вступали в жестокие схватки с хищниками-норманнами. И, что задолго до появления «окна в Европу», Холмогоры, а следом за ним и другие северные города, служили настоящей дверью, через которую везли в белль Франс тонны пушнины и рыбы, километры льна и парусины, завозя обратно бутылки французских духов и бочки французского вина. Рассуждал и о том, что кардинал Ришелье спас от голо-

да Францию, закупив за гроши (точнее, за су и денье) у русских купцов зерно. О том, что Архангельск – город свободных поморов, не знавших, что такое крепостное право. Словом – выдал французскому журналисту все свои наработки, что я когда-то (давным-давно, когда служил переплетчиком в библиотеке) публиковал в газетах Архангельска.

Мишеля Потье слушал очень внимательно, поддакивал, а в самых интересных местах, как и положено восклицал «тре бьен», но чувствовалось, что история его не слишком интересует. За все время он не сделал в блокноте ни одной пометки.

Но французского коммуниста больше интересовала современность. Причем, он так умело формулировал вопросы, что минут через пять у меня сложилось стойкое впечатление, что журналист-то засланный! Мишель не интервьюировал меня, а допрашивал. Вернее – это ему казалось, что допрашивает наивного русского парня, прибывшего в Москву из далекого Архангельска.

Товарища Потье не интересовал Архангельск, как таковой. Ему не хотелось знать ни умонастроение в губернии, ни мобилизационный потенциал, ни военное оснащение подразделений, находившихся в городе или система береговой охраны (правда, ее у нас пока все равно нет). Он даже не пожелал знать пропускную способность Северной железной дороги. А вот потенциальный грузооборот Архангельского порта, наличие складов, скорость погрузки – это очень даже

интересовало. Но более всего Мишеля Потье увлекала древесина и он очень подробно выяснял породы деревьев, произрастающих в губернии, наличие дорог, ведущих к лесопорубкам.

Было заметно, что товарищ Потье, как нынче говорят «прекрасно владеет темой». Он, например, знал, что за последние сто лет из восточной части губернии вывозилась лиственница, а из южной – сосна. Но его интересовал сегодняшний день. Например – сколько можно вывести леса, как быстро, и можно ли нанять лесорубов прямо на месте? Сколько в Архангельской губернии действует лесопилок, и будут ли заинтересованы власти вывозить за границу «кругляк», или заставят покупать доски и брус?

То, о чем расспрашивал меня француз, (и как он расспрашивал), заставило меня вспомнить свою основную специальность, оставленную в прошлом – борьбу с промышленным шпионажем.

Мы с ним жонглировали словами минут пятнадцать, а может и двадцать, и я убедился, что передо мной сидит совсем не шпион, а представитель какой-то фирмы, занимающейся переработкой древесины. Или, чем-то еще...

– Мишель, а ваша фирма занимается оптовыми продажами леса? – задал я прямой вопрос, и француз от неожиданности притих, а потом начал что-то мямлить.

– А... – только и сказал Мишель. Эх, придется помогать парню.

– Понимаю, что вы коммунист, и вам неудобно признаваться в том, что вы представляете капиталистов. Вы совладелец?

Потье посмотрел на меня исподлобья, и грустно сказал:

– Это наша семейная фирма.

Мишель мне поведал любопытную вещь. Фирма – одна из крупнейших оптовых продавцов древесины, существует уже сто лет. Предприятие семейное, и у руля стоят старшие родственники – дядя и отец. И есть еще куча братьев и кузенов. Самому Мишелю, как младшему в семействе, уготована была роль младшего партнера, с минимальной прибылью (думаю, этот «минимум» равен годовому бюджету современной Архангельской области). Конечно же ему стало обидно, и он подался в коммунисты, чтобы компенсировать социальную несправедливость. Впрочем, с семьей он не порвал, а его родственники считали, что иметь своего человека в компартии Франции – это совсем неплохо. Неизвестно, как могут сложиться события, а свои люди еще никогда никому не мешали. Начавшаяся Мировая война увеличила семейную прибыль раз в десять. Как-никак, древесина – это и самолеты, и ружейные приклады, и все прочее, а государственные заказы – мечта любого негоцианта. Наступление германцев слегка пошатнуло положение Потье, но лишь слегка, потому что бизнес, он границ не имеет, а немцам, равно как и французам, понадобится древесина.

Но потом в России грянула революция и, семейство Потье

потеряло огромные деньги, вложенные в российскую промышленность. Один из братьев Мишеля даже отправился в Архангельск, когда там стоял французский экспедиционный корпус, но Северное правительство только советовало ждать окончательной победы над большевиками, когда французские акционеры получат свою долю прибыли. Увы, большевики погибать не собирались, напротив, еще прочнее утвердили свои позиции, а надежда вернуть утраченное, стала еще призрачнее.

Но сдаваться семейство Потье не собиралось. Отец, напомнив Мишелю, что прибыль исправно поступает на его счета, потребовал ее отрабатывать. Для начала – съездить в Россию, чтобы на месте прояснить ситуацию. Семейство Потье даже купило одну из разорившихся газетенки, чтобы сынок представлял в Советской России настоящее издание. Газета какое-то время побудет «коммунистической», а по минованию необходимости, ее можно «перепрофилировать».

Первая встреча с Москвой французского коммуниста не порадовала. Кажется, Россия не собирается возвращать царских долгов, а уж тем паче что-то компенсировать иностранным акционерам. Но вот недавно, буквально пару дней назад, один из руководителей Коминтерна поделился важной «государственной тайной». Политбюро собирается рассматривать вопрос о крутом изменении экономической политики внутри страны. Кажется, Россия собирается становиться вполне приличной буржуазной республикой, в которой вос-

становят частную собственность, и впускают на внутренний рынок иностранные фирмы и корпорации. Как коммуниста, Мишеля Потье огорчал отход от основополагающих принципов коммунизма, а как капиталиста – чрезвычайно радовал. Вот теперь, самое время восстановить в России предприятия, и попытаться в самые короткие сроки выжать как можно больше прибыли. Услышав от товарища Натальи, что у нее есть хороший знакомый (очень хороший!), Мишель решил прозондировать почву. Франция еще не признала Советскую Россию, но, судя по всему, за этим дело не станет.

Насчет руководителя Коминтерна, поведавшему о «страшной тайне», понятно. Ну, кто самый болтливый из членов Политбюро? Вот-вот, ответ очевиден.

Поговорив с французом, я тоже испытал двойственное чувство. С одной стороны радовало внимание иностранцев к Архангельску. Все-таки, мне бы хотелось развернуться в губернии, где главным является лесная промышленность. Но огорчало, что журналист оказался не шпионом, а обычным предпринимателем. Эх, как было бы славно разоблачить очередного иностранного разведчика. Ан, нет. Мишель Потье – самый обычный деляга. А то, что вместе с жадой прибыли в нем уживались коммунистические идеалы, то что в этом нового? Помнится, первым легальным миллионером во времена Перестройки стал человек с партбилетом в кармане. Кажется, разразился скандал, когда он начал платить членские взносы со своих миллионов. А в современной КПРФ

сколько миллионеров состоит? Мир не изменится, и учение Маркса-Ленина от этого хуже не станет.

Глава 4. Книжник книжнику рознь

Уходя от деяги-коммуниста, заглянул в кабинет Натальи Андреевны. Она была по уши в делах и в прямом, и в переносном смысле – левой рукой прижимала к уху телефонную трубку, правой рукой что-то писала, а еще умудрялась давать какие-то рекомендации иностранной сотруднице. Причем, по телефону разговаривала по-французски, а с сотрудницей по-немецки. Любопытно, а писала полиглотка (есть такое слово, или существует лишь вариант «полиглот»?) на русском языке, или, скажем, на аглицком? С нее бы случилось. Завидев меня, Наташа отвлеклась от всех дел, и громким шепотом сообщила:

– Вечером, как со службы уходить стану, позвоню.

Инсотрудница – женщина в круглых очках, чем-то напоминающая Надежду Константиновку Крупскую в молодости, в изумлении обернулась, сдержанно сказала мне: «Гутен таг», а я лишь кивнул обоим женщинам и закрыл за собой дверь.

Если верить часам товарища Дзержинского, до официального конца рабочего дня оставалось еще часа три, что реально означало все пять, если не шесть. Решив, что в Коминтерне мне делать нечего, на Лубянке тоже, отправился на Ярославский вокзал.

Мой бронепоезд усиленно готовился к поездке на запад,

хотя внешне это ничем не проявлялось. Вагоны прицепили, внутри шли какие-то перетрубки, неизвестные постороннему человеку. Никита Кузьменко, вынужденный стать вечным дежурным на телефоне, уныло доложил, что в настоящий момент весь личный состав на своих местах, помывка в бане произведена согласно инструкции. Еще сообщил, что вещи товарища Артузова уже прибыли, занесены в купе Татьяны, девушка тоже собралась, и теперь ждут только меня, чтобы начальник освободил собственное купе. Я не сразу понял, чего от меня хотят, потом дошло, что Артур, собравшийся задействовать мой бронепоезд под собственные нужды, меня «уплотняет». Мое купе, как и положено – одноместное, а Татьяны Михайловны – двухместное. Собственно-то говоря, я и собирался поселиться вместе с Артуром, предоставив девушке более просторное помещение. Конечно, был вариант поселить Артузова у себя, а самому перебраться в двухместное, но... В общем, это уже был бы перебор, и злоупотребление служебным положением. Вариант поселить товарища вместе с девушкой тоже отпадал. Я как-то видел Лидочку – жену Артура, она мне показалась симпатичной и умненькой, так что зачем ей волноваться? А сам Артур Христианович, хотя и любит давать друзьям полезные советы, касающиеся женщин, кобелина, каких поискать.

А из вещей, что не на мне, в купе только военная форма, да сапоги. Есть еще вещмешок, хотя уже положено обзаводиться чемоданом. Ну, орден Красного знамени много места

не занимает. Секретных бумаг при себе нет, а то, что есть, может и у Татьяны полежать.

– Владимир Иванович, вам с вокзала записку принесли, – сообщил Никита и, предупреждая мой вопрос, пояснил: – Караульный сказал – подбежал парнишка, лет тринадцати, по виду беспризорник, кинул что-то, и крикнул – мол, Аксенову малява, и убежал. Вначале не поняли, решили, что камень бросил, а это записка. А камушек – чтобы ветром не сдуло.

Кузьменко протянул мне скомканный лист бумаги. Развернув, я попытался прочесть.

«Tam gdzie Matki Boska w pogoni Jerzego cztery w każdą środę osiemnaście słowo Archanioł odpowiedź Michał bibliofil»

Что за хрень? Стоп, а почему хрень? Матка боска, насколько помню, это Богородица по-польски. Значит, мне передают привет из «дружественной» Польши. Ну, если мне кто-нибудь скажет, что в ВЧК, или в Политбюро нет польских «кротов», то я китайский городской, а не сотрудник государственной безопасности. А ляхи, паразиты, классно работают!

– Владимир Иванович, что с вашими вещами делать? – вторгся в мои размышления голос Татьяны. – Оставить, или перенести?

Подняв на минутку голову, попросил:

– Перенеси сама, если не сложно.

– Да мне не сложно, – сказала валькирия, развернулась и пошла. Но я успел услышать хмыканье: – Мог бы и пожалуйста, сказать.

Вот, ходят тут всякие, отвлекают. Позвать, что ли, Книгочеева? Нет, попытаюсь перевести сам.

Вооружившись подаренным когда-то «Польско-русским разговорником» принялся за работу. Спустя некоторое время, у меня получилось следующее «Там где Богородица в погоне *Jerzego* четыре каждую среду в восемнадцать слово Архангельск отзыв Михаил *księgozbiór*».

Я не самый умный человек, но даже я понял, что мне предлагают встречу в каком-то городе, символом которого является Богородица в погоне за кем-то. Божья Мать в погоне? Или, за ней следует погоня? Ладно, география чуть позже. А тут перед цифрой «четыре» наверняка стоит название улицы. Что за название такое? Первые две буквы «Je» произносятся как «Ё». Что за польское имя Ёржик? Или Ёжик? Тьфу ты, так это же Ёжи, как наш Георгий. Георгий, улица Георгиевская. Остается последнее слово *bibiofil*. И что за «би-би» с «филом»? А, библиофил. Ценитель книг...

Архангел Михаил... А ведь из Михайло-Архангельского монастыря вырос город Архангельск. Библиофил не обязательно библиотекарь, но каждый библиотекарь – библиофил. ...Похоже, на горизонте возник мой старый знакомый Платон Ильич, которому положено быть в Лондоне. Значит, не усидел в Британии, старая крыса, а рванул на «историческую

родину». Зубов откуда-то пронюхал, что его бывший переплетчик отправляется в Польшу. Что ж, утечкой секретной информации такого уровня должен заниматься и не Артузов даже, а сам Дзержинский. Нужно срочно докладывать. Так, а что мне делать с недвусмысленным приглашением? Подождать решения старших товарищей? Хм. Но для начала следует определить место встречи, потому что Богородица в погоне – звучит нелепо. Погоня вызывает какие-то ассоциации, но какие именно? И как-то это связано не то с Польшей, не то с Литвой. И, вертится ответ где-то в уголке головного мозга, и на языке, но вспомнить не могу. И кто мне сумеет помочь? Эх, придется отвлекать от дел ответственного работника.

Телефонистка долго не могла соединить меня с техническим отделом Коминтерна, но наконец-то я услышал голос любимой. Подавив желание сказать что-то нежное, сугубо деловым тоном спросил:

– Наталья Андреевна, уделите пять минут. Что вы скажете, если услышите слово «Погоня»? Как это может быть связано с Польшей?

Потомок польских магнатов размышляла секунды две, может три, потом ответила:

– Насколько я помню геральдику, это герб Гедеминовичей – Чарторыйских, Голицыных, Хованских. Как сейчас помню описание: «В червленом поле серебряный всадник на серебряном коне, держащий в правой руке воздетый меч, а в левой щит с шестиконечным крестом». Это тебе надо?

– Гедеминовичи – потомки Гедемина, Великого князя Литовского? – зачем-то уточнил я. – Значит, это Литва или Польша?

– Именно так, товарищ Аксенов, – хохотнула Наташа на том конце провода. – Если бы вы учили историю, то знали бы сами, а не отвлекали занятых людей. Да, «погоня» – это Великое княжество Литовское. Литва и нынешняя Белоруссия. У Польши другой герб.

– Ага, – хмыкнул я, пропуская мимо ушей иронию образованной барышни. – А символ Богородицы, у какого города может быть?

На сей раз, Наташа думала чуть дольше, но ответ был неутешителен:

– А вот с Богородицей ничем помочь не смогу. Семейные гербы этот символ не содержат, это точно. Опять-таки, что значит – Богородица? Вы Евангелие помните, молодой человек? Это может быть и Рождество Богородицы, и ее Введение в храм, Успение святой девы, Вознесение. Скорее всего – герб какого-то города, где изначально был монастырь.

– Понял. Спасибо, – грустно ответил я и, на всякий случай спросил: – Вечером все в силе?

– Надеюсь, – вздохнула Наталья. – Надеюсь, я тебе помогла? А, еще кое-что вспомнила – в Белоруссии есть города, у которых «погоня» на гербах. Полоцк, Витебск, и еще что-то.

Наташа повесила трубку, а я честно пытался вспомнить гербы городов Российской империи. Как на грех, вспоминал

только советские гербы – какие-то шестеренки, книжки и фигуры животных, типа лося у Вологодской области. В символике Великого княжества Литовского я не силен.

Эх, любят мудрить шпионы. Куда как проще, если бы Зубов указал в записке точное название города. Могилев там, Гродно, или Минск. Последний, кстати, меня бы вполне устроил. Там с восемнадцатого года действует Минчека. Артур обмолвился как-то, что уполномоченный ВЧК на западном фронте получил повышение, став председателем Минской чрезвычайной комиссии и, одновременно, начальником республиканского ЧК. Фамилия, насколько помню, Ротенберг. Имя и отчество вспомнить не мог, но это пока неважно. Уточню. Что-то Артур еще о нем говорил. Да, Ротенберг – гражданский муж племянницы Феликса Эдмундовича, но для Дзержинского родственные связи и карьера – вещи несовместимые.

– Никита, Потылицын на месте? – поинтересовался я у подремывавшего в углу Кузьменко. – Если на месте, позови сюда, а сам можешь немножко отдохнуть.

Пока Никита ходил за бывшим поручиком и кавалером, я вспоминал его имя и отчество.

Потылицын не замедлил явиться. Порадовав меня уставным «Разрешите?», принял приглашение сесть.

– Вадим Сергеевич, вы польским языком владеете? – поинтересовался я.

– Не очень, – покачал головой экс-поручик. – За малорос-

са из – под Львова еще сумею себя выдать, а за чистопородного ляха нет.

Что ж, малоросс – тоже неплохо. Тем более, что у меня нет задачи внедрять Потылицына куда-нибудь в штаб Пилсудского, или Смиглу.

– Не помните, какой у Минска может быть герб? – задал я новый вопрос.

Потылицын пожал плечами, потом сказал:

– О том нужно Александра Петровича спросить. У него хобби – собирает всякую мелочь, связанную с геральдикой – портсигары, запонки, зажигалки, знаки. Сбегать?

Я лишь кивнул, и бывший поручик умчался выяснять – что изображено на городском гербе столицы Белоруси. Ну, пока еще Белоруссии. Вернувшись через несколько минут, Вадим Сергеевич выпалил:

– Вознесение Богородицы!

Что ж, так и должно быть. Где лучшее место для гнезда шпионов? Разумеется, в самом большом городе.

– Вадим Сергеевич, не хотите немножко поиграть в разведчика?

Пожалуй, об этом можно было и не спрашивать. Услышав про настоящее дело, разведчик стал похож на охотничью собаку, увидевшую, как хозяин набивает патронташ.

– Дело для вас не сложное. Нужно прибыть в Минск, взять под наблюдение дом четыре по улице Георгиевской.

Я протянул Потылицыну записку, потом перевел ее.

– Как я понимаю, вас там знают в лицо, и мне на контакт выходить не стоит. Речь идет лишь о наблюдении за домом, установление хозяев, выявление связей?

Молодец, господин поручик, все сразу просек!

– Именно так, – кивнул я, а потом уточнил: – Официальных полномочий у вас нет, возможно, что вообще не будет. И о вашей миссии буду знать лишь я. Попадётесь, «отмазывать» будет сложно, а в Минске вас могут «пасти» и польская разведка, и наше чека.

– Отмазать – это вроде как оправдать? – деловито поинтересовался бывший поручик.

А я-то думал, что он начнет возмущаться.

– Ну, это в порядке вещей, – усмехнулся Потылицын. – Ротмистр, когда меня в Норвегию посылал, вообще сказал, что если случится скандал, он станет говорить, что знает меня не знает, ведать не ведает.

Нет, если смогу, то я своему человеку помогу, но не факт, что сумею. Особенно, если попадет в загребушие лапы моих коллег.

– А как мы с вами свяжемся? – спросил экс-поручик.

– Скоро я буду в Минске, вы меня там отыщите, – ответил я.

– Владимир Иванович, если речь пойдет о скрытом наблюдении, то желательно бы мне еще человека с собой взять. И для связи, и для спокойствия. Один наблюдатель – слишком мало. Желательно бы человек пять, чтобы глаза не успе-

ли мозолить.

Тут Вадим Сергеевич прав. Если наблюдает один человек, это сразу же привлечет внимание. Даже двоих мало. Но я не знаю, где мне человека найти. Семенцова отдать? Нет, на уголовника у меня другие планы, равно как и на Прибылова.

– А вы со мной Холминова отправьте. Парень толковый, а делать ему сейчас все равно нечего.

Холминов у меня инженер-электрик и взят на всякий случай, для обслуживания дизеля. Неужели Артузов специалиста в Москве не найдет?

– Забирай, – махнул я рукой. Спросил со вздохом: – Что еще нужно? Деньги, документы?

И зачем спрашивать очевидные вещи? Типа, с деньгами и документами и дурак справится, а ты без них попробуй?

В моем вещмешке еще оставались золотые червонцы. Целых пять штук, включая «заветный», обнаруженный в сундучке в первый день «попаданчества». Оставив себе пару штук, оставшиеся три отдал Прибылову. Отставной поручик скорчил кислую физиономию, но деньги взял. Зажав их в кулак, позвенел золотом.

– На неделю хватит, а там видно будет.

– А документы? – поинтересовался я.

Потылицын открыл рот, чтобы ответить, но тут зазвонил телефон. В тайной надежде, что Наталья освободилась пораньше, я снял трубку.

– Аксенов у аппарата.

На той стороне провода оказалась совсем не Наташа. Мужской голос строго сказал:

– Приемная председателя Совнаркома, Горбунов. Владимир Иванович, что у вас произошло сегодня с книжником?

– С книжником? – растерянно переспросил я. Интересно, а откуда в приемной Ленина знают о записке? Но Горбунов, оказывается, имел в виду совсем другого книжника.

– Книжник – наш выдающийся пролетарский поэт товарищ Придворов, – пояснил секретарь товарища Ленина. – Так вот, он написал на вас жалобу. Дескать, сотрудник ВЧК, фамилия неизвестна, но в мандате сказано, что особоуполномоченный, отобрал у него ценную книгу, обещал избить.

– А почему вы решили, что это я? – осторожно поинтересовался я.

Горбунов сдержанно хохотнул.

– Я позвонил в канцелярию ВЧК, попросил, чтобы мне представили список особоуполномоченных ВЧК. Их, как вы знаете, не так уж и много, но в списке есть и фамилия Аксенова. Я и решил, что кроме вас, никто не станет связываться с таким сутяжником, вроде поэта Придворова и выяснил, что вы в Москве. Так это действительно вы?

– Николай Петрович, это вам надо в чека работать, а не мне, – перебил я будущего академика. – Вы нам всех контрреволюционеров, и агентов мирового империализма отловите. А если серьезно, то конфликт у меня был. Но дело происходило немного не так.

Может, кому-то покажется, что я решил подольститься к личному секретарю Ленина, но, право слово, сказано было от души. Горбунов еще разок хохотнул.

– Спасибо, конечно, но контрреволюционеров своих будете сами ловить, а меня и без них дел хватает. А еще дураков... Скажите, в двух словах, что там у вас случилось? Избили вы пролетарского поэта, с него не убудет, а мне Владимиру Ильичу докладывать.

Я вздохнул, и вкратце пересказал секретарю Ленина инцидент с первоизданием Чулкова. Правда, название отчего-то постеснялся сказать.

– Я так и думал, – изрек Горбунов, и повесил трубку.

В свою очередь, я положил трубку на рычаг, перевел взгляд на сидевшего неподалеку подчиненного, не сразу сообразив – о чем мы с ним говорили. Вспомнив, спросил:

– Извините, Вадим Сергеевич, отвлекся. Мы с вами остановились на документах. Что вам потребуется?

– Вы же нам с Холминовым мандаты выдали, что мы внештатные сотрудники ЧК. Такого документа по нынешним временам – за глаза, и за уши хватит. Может, что-нибудь на месте раздобудем, на всякий случай. Я один червончик для такого случая припасу.

– А удастся? – засомневался я.

– Владимир Иванович, – заулыбался бывший поручик. – Да я за золотой червончик в Норвегии документы сделал, а уж там и полиция строже, и чиновники не такие алчные, как

у нас. Может, у меня еще и сдача останется.

Глава 5. Наш паровоз вперед летит

Москва начала надоедать, и я был рад, что мы наконец – таки тронулись. Поезд увеличился до десяти вагонов – пять моих, три Артузова, и еще два нам прицепили железнодорожники – мол, доставите до Смоленска, а там отцепите. Я возражать не стал, Артур тоже, только Карбунка придиричливо проверил содержимое вагонов. Правильно, ему положено, как начальнику поезда. Но ничего крамольного в вагонах не было, а только самые обычные железнодорожные рельсы и костыли. Наверное, в Смоленске с ними дефицит. Теперь в хвостовом вагоне у нас появился специальный кондуктор с двухцветным фонариком. Красным он машет машинисту паровоза, а белым другим поездам. Нет, наоборот: белым светом сигнализирует своему машинисту, что все в порядке, вагон не отцепился, а красным – чужим поездам – мол, не назжайте на нас, опасно.

Виктор Спешиллов, в юности мечтавший о карьере помощника машиниста, немало порассказывал мне о тонкостях железнодорожной жизни. Например, почему он мечтал стать именно помощником, а не механиком (тоже узнал от Виктора, что изначально машинистов называли механиками). Оказывается, главная задача помощника – следить за топкой. Кочегар только кидает уголь, а помощник, по цвету угля, оттенкам пламени и, даже по гудению, должен определить и

расход угля, и скорость. При нашей угольной нищете (кто в мое время в это поверит?), за экономию топлива поездной бригаде полагалась внушительная премия, порой сопоставимая с месячным жалованьем, а иной раз и значительно его превышавшая. Спешилов поведал, что однажды, его поездная бригада отхватила тысячу рублей премии! Правда, ему досталось лишь сто, а остальные деньги поделили машинист с помощником, но для кочегара, получавшего двадцать рублей в месяц, сотня – бешеные деньги.

Я сидел в салоне, уставившись в окно, с которого пока сняли броневой щиток и пялился на проплывавшие мимо домики и домишки, сменявшиеся редкими березками, что отличало среднерусский пейзаж от привычного северного, когда за окном плывут сосны и ели. Рассматривал деревеньки, пытаюсь понять – мы еще в Москве, или уже нет? В моей истории эти деревушки давным-давно стали частью русской столицы, а здесь?

Прямого пути от Ярославского вокзала до Белорусского (виноват, все еще Брестского) для поезда нет, но никак не думал, что нам придется столько времени колесить, переходить с одного пути на другой, пока не выйдем на маршрут Москва-Смоленск. И как это машинист не заблудился?

Настроение препоганое. Наталья Андреевна, в ответ на предъявленное письмо бывшей «невесты» Полины, только рассеянно кивнула, сказав, что уж теперь – то она точно примет мое предложение и выйдет за меня замуж, но когда

именно, сообщить не соизволила. Может, после завершения гражданской войны, а может, после возвращения из командировки. Я – то рассчитывал, что в командировку она отправится не раньше августа, после проведения съезда Коминтерна, оказывается, прямо сейчас. Утром уходит спецпоезд до Петрограда, а оттуда... На чем «оттуда», куда «оттуда» Наташа не уточняла, как не сказала, куда именно она едет. Может, пароходом до Стокгольма, или железной дорогой до Берлина? Хотя, если по железной дороге, то можно бы и из Москвы. Впрочем, у Коминтерна свои секреты, делиться которыми они не станут даже с очень близкими людьми. Обижайся, не обижайся, но ведь и я тоже о много не говорю Наталье Андреевны. И мне даже провожать нельзя. Секреты, мать их так и в душу за ногу!

Впрочем, я больше думал не о бронепоезде, и не о Наташе. Поезд, он железный, что с ним случится и с Натальей Андреевной, мы, в конце – концов, разберемся. Я-то знаю, что до завершения гражданской войны осталось немного, а ждать я умею.

У меня не выходило из головы – что я такого должен сотворить, чтобы уменьшить потери в советско-польской войне? В идеале – завершить войну, не начиная наступления на Варшаву, согласиться на условия Керзона.

Выиграть войну, конечно же, очень заманчиво. Победа не мировой, но хотя бы европейской революции. Беда только, что я не знаю – что мы потом с этой победой станем делать?

Допустим, разгромили польскую армию, вместе с французскими и прочими добровольцами, отправившимися защищать Европу от коммунистической угрозы. Представим, что Польша стала советской и социалистической. И что дальше? Германский пролетариат протягивает руку помощи российским рабочим? Сомнительно. Одну революцию там довольно успешно подавили, подавят и новую. Разумеется, мощь у немецкой армии после Версаля совсем не та, что раньше, но на подавление восставших рабочих даже остатков армии хватит. Сами не справятся – позовут на помощь французов. Так что, не похоже, что вся Европа полыхнет революционным огнем. Значит, мы получаем еще одну советскую республику, где проживает около тридцати миллионов человек. В цифрах не уверен, плюс-минус пять миллионов. А что из себя представляла Польша, с точки зрения экономики? Помнится, накануне Второй мировой войны, она была если не сугубо аграрной, то с изрядным перевесом сельского над городским. Если не ошибаюсь, три четверти населения занято в сельском хозяйстве. Не думаю, что в тысяча девятьсот двадцатом ситуация была лучше. Три четверти занято в аграрном секторе, но одна-то четверть в промышленности. Пожалуй, это несколько лучше, нежели в России накануне революции семнадцатого года. Но все-таки, потенциальных союзников у большевиков не так и много. Будем считать, что рабочие горнодобывающей промышленности, металлургии, машиностроения нас поддержат. А мы, на всякий случай,

промышленность национализируем, и передадим ее в руки рабочего класса. Ну, за исключением за исключением мелкого бизнеса, где не больше десяти наемных рабочих. Следом настанет очередь земли. Что там у них? Есть крупные помещичьи владения – почти половина земель, есть средние и мелкие крестьянские хозяйства. Пожалуй, крестьян можно привлечь на нашу сторону, если пообещать им землю.

И все бы так, но кое-что не так. Мы не учли два очень важных фактора. Во-первых, национализм поляков, которые видят в русских не освободителей от помещиков-капиталистов, а оккупантов. Поляки не забыли ни три раздела Польши, ни подавление восстаний и, скажем так, теплых чувств к русским не питают. В данном случае, патриотизм окажется сильнее идеологии коммунизма. А во-вторых, мы забываем, что поляки – очень верующие люди и католическая церковь там играет огромную такую роль. Что будет, когда РККА войдет на территорию этнических польских земель, предсказать не сложно. Будем закрывать храмы, выгонять ксендзов, бороться с суевериями. Будут восстания, будут волнения. А если учесть, что восставшие станут получать помощь из Франции, Англии, Америки, получим сплошную головную боль, а не путь к мировой революции.

Посему, закрадывается чувство, что не так это плохо, что мы проиграли польский поход. Да и черт-то с ней, с коммунистической Польшей. Нехай остается Польша независимая, вместе с ее гонором, отчего-то считающая, что если она су-

меет оттяпать у нас изрядный кусок земли, то мы про это забудем. Нет, шановные паны, не забудем, и все вернем. Другое дело, что жалко погибших парней, убитых на поле боя, скончавшихся от ран, либо умерших от голода в концентрационных лагерях.

Обидно, что я ни с кем не могу поделиться своими соображениями. Даже со своими друзьями – хоть со Спешиловым, хоть с Артузовым. Впрочем, даже если они мне поверят, что это меняет? Увы, мои друзья, пока еще лишь фигуры на шахматной доске, но не игроки.

С появлением Артузова штабной вагон начал приобретать черты кают-компаний. К Артуру постоянно приходили помощники, размещенные в купейном вагоне, чтобы обсудить с ним детали будущих операций. Иной раз мне приходилось оставлять их наедине, особенно, если Главный контрразведчик Советской России беседовал с поляками. Если честно, я не очень-то понимал, для чего ВЧК решило воспользоваться услугами бывших агентов оффензивы, но не спорил. Решение принимал Председатель, ему виднее.

Глядя на сотрудников Особого отдела ВЧК, в штабной вагон потянулись и «архангелогородцы». Правда, их у меня и осталось-то всего ничего. Потылицын с Холминовым отправлены в Минск, выяснять ситуацию. Кроме того, для бывших господ офицеров у меня нашлось и другое задание. Пусть присмотрят, кроме конспиративной квартиры поляков, и за другим зданием, не менее важным.

Не было теперь с нами ни уголовного, ни художника. Эти командированы в Петроград с миссией, совсем не относящейся к моей деятельности чекиста, а напротив, если копнуть поглубже, совсем противоположной, если не сказать – контрреволюционной. Правда, таковой это станет не в двадцатом году, а через год. Что именно им поручено говорить не стану, чтобы не сглазить, но коли удастся, то Семенцову можно простить все прошлые прегрешения, выдать заграничный паспорт и отправить куда-нибудь в Чехию, а еще лучше – в Англию. А Прибылову устрою персональную выставку в Музее современного искусства и похлопочу о членстве в Союзе художников. Правда, музея нет, Союза тоже, ну так ведь будут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.